

5. («ЕСЛИ ПЕРЕЕХАТЬ В ЯРОСЛАВЛЕ ВОЛГУ...»)

Если переехать в Ярославле Волгу и пройти прямо через Тверицы, то очутишься на столбовом почтовом тракте. Проехав 19 верст по песчаному грунту, где справа и слева песок, песок, мелкий кустарник и вереск (зайцев и куропаток там несть числа), то увидишь деревню, начинающуюся столбом с надписью: «Сельцо Грешнево, душ столько-то господ Некрасовых!». Проехав длинную бревенчатую деревню, увидишь садовый деревянный забор, начинающийся от последней деревенской избы и из-за которого выглядывают высокие деревья; это барский сад. Тотчас за садом большой серый неуклюжий дом.

Об отношениях ко мне Грешнева и грешневцев мне придется говорить дальше, о своих — скажу несколько слов теперь же, чтобы уже к этому не возвращаться. Судьбе угодно было, что я пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее я не только никогда не владел крепостными, но, будучи наследником своих отцов, имевших родовые поместья, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли. Дело моих братьев сказать со временем, как это так вышло. Я когда-то написал:

Хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок...

Написал этот стих еще почти в детстве, может быть, я желал оправдать его на деле.

Итак, отношения мои к грешневцам были такие:

(Благодарение Богу,
Я совершил еще раз
Милую эту дорогу.
Вот уж запасный амбар,
Вот уж и риги... как сладок
Теплого колоса пар!
Останови же лошадок!
Видишь: из каждых ворот
Спешно идет обыватель.
Всё-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель»).

Я постоянно играл с деревенскими детьми, и когда мы подросли, то естественно, что между нами была такая короткость.

[Здесь я должен сказать несколько слов, как бы они ни были поняты: это дело моей совести. Я должен, по народному выражению, снять с души моей грех.

В произведениях моей ранней молодости встречаются стихи, в которых я желчно и резко отзывался о моем отце. Это было несправедливо, вытекало из юношеского сознания, что отец мой крепостник, а я либеральный поэт. Но чем же другим мог быть тогда мой отец? — Я побивал не крепостное право, а его лично, тогда как разница между нами была, собственно, во времени.] Иное дело, личные черты моего отца, его характер, его семейные отношения — тут я очень рано сознал свое право и не отказываюсь ни от чего, что мною напечатано в этом отношении. Разница, повторяю, была между нами во времени — он пользовался своим правом, которое признавал священным:

Один...
Свободно и дышал, и действовал, и жил.

Время вывело меня на широкую дорогу:

Сыны народного бича,
С тех пор как мы себя сознали,
Жизнь как изгнанники влача,
По свету долго мы блуждали.

Не могу не сознаться, что даже в последние мои годы, когда я бывал в Грешневе, я чувствовал какую-то неловкость:

Смутясь, (потупили мы взор —
Нет! Час не пробил примиренья!» —
И снова бродим мы с тех пор
Без родины и без прощенья!..)